

На правах рукописи

Гриценко Антон Алексеевич

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ
НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ**

*Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Москва – 2010

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук
Институте географии РАН

Научный руководитель:

доктор географических наук
Крылов Михаил Петрович

Официальные оппоненты:

доктор географических наук, профессор
Алексеев Александр Иванович

кандидат исторических наук
Григорьева Регина Антоновна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное научно-
исследовательское учреждение
«Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачёва»

Защита состоится «24» сентября 2010 г. в 14⁰⁰ часов на заседании
диссертационного совета Д.002.046.01 по специальности 25.00.24 «Экономическая,
социальная, политическая и рекреационная география» при Институте географии
РАН по адресу: 119017, Москва, Старомонетный пер., 29, Институт географии РАН.
Факс: (495) 959-0033; **e-mail:** igras@igras.geonet.ru; **сайт:** www.igras.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института географии РАН

Автореферат разослан «21» августа 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат географических наук

Т.Л. Бородина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В условиях новой государственности России и Украины, изменения статуса бывших административных границ между союзными республиками становится всё более актуальным вопрос – как и в какой степени эти границы соотносятся с представлениями самих людей о том, где реально проходит грань между своей и чужой территорией.

Одним из важных исследовательских подходов в решении этого вопроса является изучение региональной идентичности населения российского порубежья (на уровне индивидов и поселений). Однако, несмотря на появление работ, в том числе по экономической, социальной и политической географии, об отношении жителей России и Украины друг к другу, о социальных и демографических аспектах российско-украинского порубежья, современная региональная идентичность на этой территории практически не изучалась.

В последние десятилетия на всем порубежном пространстве России и Украины наблюдался разрыв экономических, культурно-бытовых и других исторически сложившихся связей. Преодоление этой ситуации тесно связано с вопросами развития порубежных регионов, межгосударственного сотрудничества и интеграции, в которых региональная идентичность играет немаловажную роль.

Изучение представлений людей о своей территории, ментального (вернакулярного) пространства, описываемого понятием «региональная идентичность», может позволить вовремя предупредить региональные конфликты; укрепить трансграничные культурные, экономические и другие межгосударственные взаимоотношения; усилить контактные функции государственной границы.

Цель диссертационной работы – выявить на примере ряда ключевых территорий российско-украинского порубежья разнообразные проявления региональной идентичности (в том числе местные особенности российско-украинского этнокультурного градиента) и её соотношение с политическими и ландшафтными границами.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие **задачи**:

1. проанализировать роль ландшафтных рубежей в формировании исторических (политических и административных) границ в российско-украинском порубежье;

2. исследовать влияние исторических и современных политических границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье;
3. выявить пространственные особенности российско-украинского этнокультурного градиента;
4. выявить границы ментальных регионов на основе изучения местного самосознания населения;
5. проследить взаимосвязь этнокультурного градиента, границ ментальных регионов и современных политических границ.

Объект исследования – население российско-украинского порубежья, его историко-этнокультурные особенности и их преломление в восприятии своей территории.

Предмет исследования – специфика региональной и этнокультурной идентичности российско-украинского порубежья.

Исходные методологические позиции исследования

Работа основана на понятиях, методах и подходах социально-экономической, исторической и культурной географии, этнологии и социологии. Проанализированы классические работы, посвящённые историко-географическим и этнокультурным особенностям формирования населения российско-украинского порубежья, в частности, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, Д.И. Багалея, М.К. Любавского и Л.Н. Чижиковой, а также труды Ю.В. Готье. Большое значение для работы имеют исследования отечественных учёных: Н.П. Анциферова, Ю.А. Веденина, В.А. Тишкова, В.Н. Стрелецкого, Б.Б. Родомана, Р.А. Григорьевой, А.И. Алексеева, В.А. Колосова, М.П. Крылова, Г.М. Лаппо, Л.В. Смирнягина, А.Н. Ямскова, В.А. Николаева, В.Н. Калущкова, Т.И. Герасименко, Л.И. Попковой, А.Г. Манакова.

Автор придаёт существенное значение индивидуальному и уникальному, что предполагало ориентацию на применение индуктивных и качественных социологических методов.

По мнению автора, наиболее информативным для исследования было привлечение *местного экспертного сообщества* в малых и средних исторических городах. Представители этого сообщества (учителя, работники музеев, краеведы, журналисты и др.) являются активным меньшинством, местной культурной элитой и выступают в качестве реальных носителей региональной и этнокультурной идентичности.

При рассмотрении вопросов этнокультурной самоидентификации населения значительное внимание уделяется историко-географическим аспектам

формирования территории, а также культурной преемственности и укоренённости населения.

Информационная база исследования и модельный полигон

Информационная база представлена статистическими данными переписей населения за 1897, 1926, 1939 и 2002 гг. и опубликованными результатами социологических опросов по теме патриотизма и самосознания, проводимых в 2000-2008 годах ФОМ и ВЦИОМ, а также картографическими источниками историко-географической и этнографической тематики за разные исторические периоды.

Весьма существенную часть информационной базы составили материалы экспедиционных поездок в Брянскую, Курскую, Белгородскую и Воронежскую области, а также результаты интервьюирования и анкетирования местного экспертного сообщества. Общее число экспертов, принявших участие в исследовании, составило около 450 человек, включая проинтервьюированных. За основу была взята апробированная ранее анкета М.П. Крылова с существенными дополнениями и изменениями автора, которые касались: 1) аспектов пространственной самоидентификации опрашиваемых с введением в анкету условной географической карты и последующей разработкой карт ментального пространства; 2) развития исторического сознания и этнокультурной самоидентификации, с возможностью принятия различных вариантов смешанной идентичности; 3) отношения к жителям соседних территорий как к землякам.

Диссертационное исследование предполагало экспедиционное изучение населения порубежья только с российской стороны, - ввиду определённых ограничений на проведение подобных полевых исследований на территории Украины. Ситуация с украинской стороны порубежной зоны изучена по литературным источникам.

Полевые исследования были проведены в Брянской (июль 2008), Курской (апрель 2009), Белгородской и Воронежской (октябрь 2009) областях (рис.1), в 33 поселениях, включая 22 города и 11 посёлка городского типа, из которых три ранее были городами (Погар, Богатое и Коротояк). В 2007 г. г. Бирюч (б. пос. Красногвардейское) восстановил статус города и своё историческое название. Были обследованы города Почеп, Унеча, Клинцы, Стародуб, Трубчевск, Севск, Брянск, Дмитриев, Рыльск, Льгов, Суджа, Обоянь, Курск, Щигры, Фатеж, Грайворон, Шебекино, Короча, Новый Оскол, Валуйки, Алексеевка, Острогожск, а также посёлки городского типа – Суземка, Навля, Тим, Ивня, Ракитное, Красная Яруга, Ровеньки.

Изучена и рассмотрена вся сеть исторических городов (кроме гг. Мглин и Сураж Брянской области) российской части порубежья, а также окрестности исчезнувших городов Хотмыжск, Карпов и Усерд. На месте этих городов в настоящее время существуют отдельные памятные историко-культурные объекты, посещаемые туристами, а также местными жителями во время свадебных церемоний.

Рисунок 1. Маршруты полевых исследований

- проанализирована роль ландшафтных, исторических и политических границ в формировании региональной идентичности на изучаемой территории;
- рассмотрены современные процессы региональной и этнокультурной самоидентификации населения порубежья в связи с изменением статуса границы России и Украины;
- установлен градиент современных этнокультурных различий в порубежной российско-украинской зоне;
- предложена методика разработки карт ментальных пределов «своего» региона, «своей» местности;

- выявлены внутриобластные различия в характере культурного тяготения, в том числе к соседним регионам России и Украины.

Практическая значимость работы

Полученные результаты исследования могут найти применение в области межгосударственного сотрудничества, национальной и региональной политики, в работе местных властей с памятниками историко-культурного и природного наследия, а также быть полезными при подготовке схем культурно-географического районирования. Методика выявления пространственных различий в региональной идентичности может быть применена на других территориях России.

Апробация результатов исследования и публикации

Тема и основные положения диссертационной работы докладывались и обсуждались на молодёжной научной школе «Культурные ландшафты России и устойчивое развитие» (Москва, февраль 2009 г.), на VIII Конгрессе этнографов и антропологов России (Оренбург, июль 2009 г.), на Международной научно-практической конференции «Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития» (Культурный Центр Украины в Москве, ноябрь 2009 г.), на заседании Отделения истории географических знаний и исторической географии МЦ РГО (совместно с научным семинаром по исторической географии при ИГ РАН) (Москва, декабрь 2009 г.).

Результаты исследования отражены в десяти публикациях, из них две находятся в печати, общим объемом 5,7 авторских листа, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации по географическим наукам («Проблемы региональной экологии», «Региональные исследования», «Известия РАН. Серия географическая»). Кроме того имеется интернет-публикация на сайте Университета Бирменгема (Великобритания).

Структура работы

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений общим объемом 163 машинописные страницы, включая 7 рисунков и графиков, 30 картосхем, а также 9 таблиц. Список использованной литературы состоит из 179 наименований.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

1. Российско-украинское порубежье и историко-культурные границы

Проблема границ – наиболее общая для географической науки. Существующие подходы к определению, поиску и выявлению границ и их функций продиктованы различиями в целях и задачах исследования пространственных

феноменов. Рассмотрение границ как отдельных объектов исследования является важным теоретико-методологическим подходом, например, в работах Б.Б. Родомана, В.А. Колосова, В.Л. Каганского, A. Paasi, D. Newman, J.W. House и других отечественных и зарубежных исследователей.

Российско-украинское порубежье характеризуется разветвлённой сетью различного рода границ. Отдельные отрезки этих границ выполняют контактные, барьерные и другие функции. Так, современная государственная граница между Россией и Украиной выполняет внешние (разграничивающие), во многом барьерные функции. В прошлом эквивалентом государственной границы была, например, Белгородская засечная черта – система укреплений Московского государства на границе Дикого поля. По мере освоения территории эта черта становилась внутренней, фронтьерной границей. Первоначально Белгородская засечная черта разделяла земли, которые заселялись русскими и украинцами («черкасами»). Однако с расширением территории России разграничивающие функции черты ослабевали, граница размывалась, а территория вблизи нее становилась экотонной зоной.

Наличие экотонных зон и связанных с ними границ в пределах порубежья обусловило пространственные изменения культурных явлений. Они могут быть отражены в «украинском этнокультурном градиенте» - пространственной модели, отражающей континуальное изменение украинского компонента в сознании людей и ландшафте. Для выявления такого градиента нами **была выдвинута гипотеза** об упорядоченности компонентов историко-культурного ландшафта (табл.1). Согласно этой гипотезе, современная *региональная самоидентификация* местного населения и *историческая память* воздействуют на человеческую личность равнозначно *инерционным, переходящим из поколения в поколение факторам*, которые формируют культурный ландшафт и своеобразие населённых пунктов.

Группировка компонентов историко-культурного ландшафта (касающихся внутренней духовной сферы человека) осуществлена по аналогии с представлениями Н.А. Солнцева о важности отдельных физико-географических компонентов для структуры природного ландшафта.

Мы полагаем, что в случае сохранения традиционного облика ландшафта (в исторических городах) его компоненты образуют определённое гармоничное целое, что даёт возможность проследить присутствие украинской культуры на территории порубежья.

Таблица 1. Компоненты историко-культурного ландшафта, связанные с мировосприятием и идентичностью людей

№№	Компоненты историко-культурного ландшафта
1	Язык (говор), на котором говорит большая часть населения, и культурно-исторические предпочтения населения, нашедшие отражение в особенностях местной городской и сельской архитектуры.
2	Осознание населением специфики места своего проживания («духа места»).
3	Память о территориальных образованиях прошлого (княжествах, губерниях и др.), в том числе украинских (Гетманщине) и русско-украинских (Слободской Украине).
4	Память об украинских корнях и территориях происхождения своей семьи.
5	Этническая самоидентификация (Кем человек себя в большей степени «считает»?).
6	Самоидентификация при опросах (Кем человек себя «называет»?).

Примечание: компоненты историко-культурного ландшафта даны сверху вниз от более устойчивых, долговременных к менее устойчивым, кратковременным.

2. Слободская Украина и Гетманщина как важные части исторического украинского этнокультурного ядра на территории современной России

В пределах современной России находятся важные части исторического украинского этнокультурного ядра – Гетманщины и Слободской Украины.

К историческим землям Гетманщины, Слободской Украины, а также к территориям непосредственно граничащим и исторически связанным с ними относится значительная часть современных областей России – Брянской, Курской, Белгородской и Воронежской (рис.2). В подтверждение сильных исторических связей на этой территории представляется важным упомянуть, что в XVIII в. при гетмане К.Г. Разумовском стоял вопрос о переносе столицы Гетманщины. В качестве таковой рассматривался г. Почеп (ныне Брянская область). В таблице 2 приведён список городов порубежья, которые принадлежали разным историческим землям. Вследствие продолжительного пребывания современных российских городов в составе Гетманщины и Слободской Украины, в жизни населения которых существенную роль играло украинское казачество, украинский компонент в культуре усилился. В данном исследовании особое внимание уделялось современной этнокультурной ситуации в **исторических городах**. При этом подтвердилась **устойчивость во времени этнокультурного колорита** некоторых городов российско-украинского порубежья.

Формирование Гетманщины и Слободской Украины как преимущественно казачьих территорий происходило приблизительно в одно время (первая половина – конец XVII в.). Сходным было их административно-территориальное устройство (военно-полковое, предполагавшее внутреннюю автономию и самоуправление), а населению были предоставлены значительные льготы. Однако Слободская Украина и Гетманщина имели **разный политический статус** по отношению к России.

Гетманщина была под протекторатом России, в то время как Слободская Украина была частью России.

Географически представляется важным подчеркнуть различия между украинским «государственным» казачеством Слободской Украины, вольным украинским казачеством Гетманщины и вольным русским казачеством Дона, которые имели разные отношения с московским правительством. Неоднозначными были и отношения их друг с другом. В особенности это справедливо к взаимоотношениям Донского казачества со Слободским, которое возглавлялось не гетманом или атаманом, а назначаемым из Москвы белгородским воеводой.

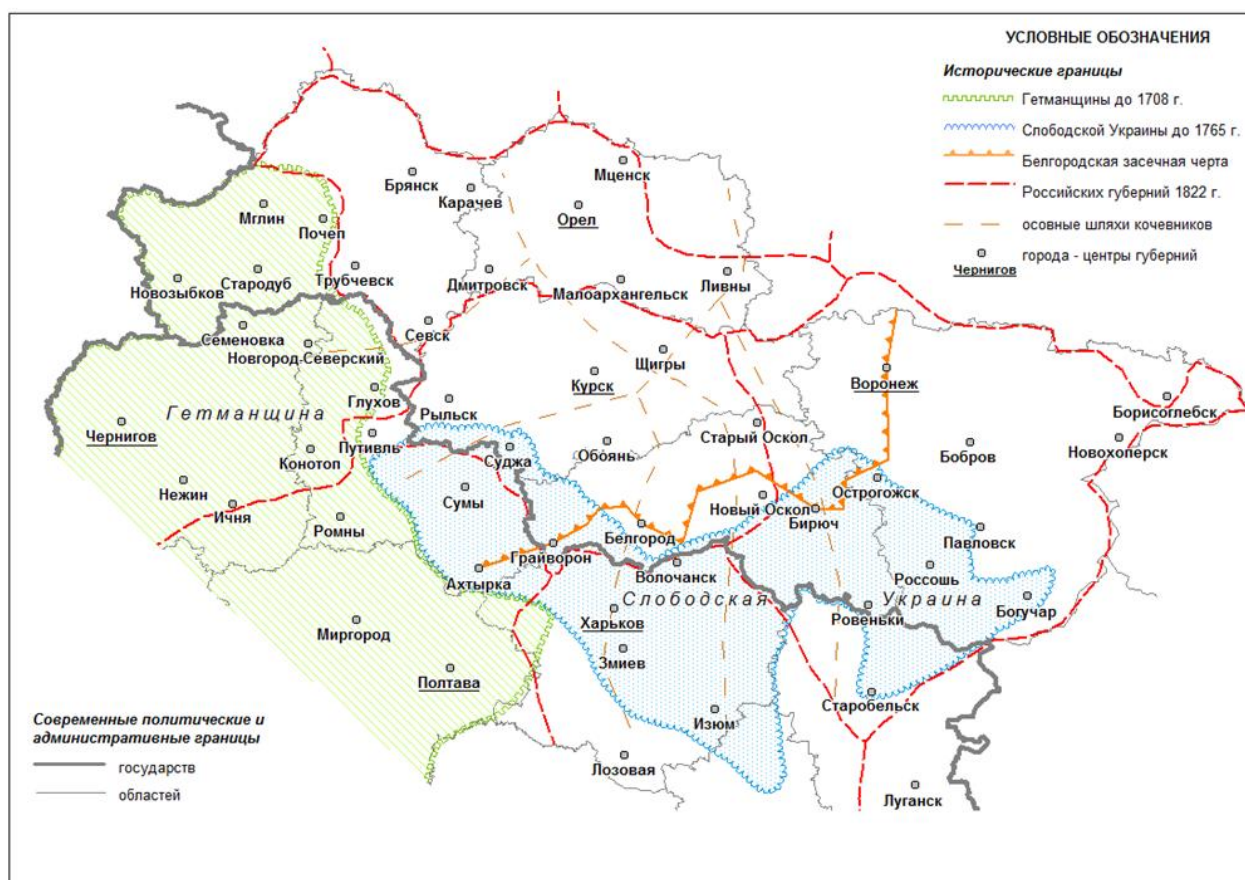

Рисунок 2. Историко-географические границы российско-украинского порубежья

Казачество как особый историко-культурный феномен в российско-украинском порубежье формировалось к югу от древнерусских княжеств в пределах Дикого поля. Земли, занятые казаками, носили название «Украина», т.е. окраина.

В пределах Гетманщины, в зависимости от территории расселения, **казачество было географически различным**. Однако в исторической литературе этот вопрос, к сожалению, мало обсуждается. Казачество первоначально консолидировалось в южной части Гетманщины – к югу от б. Переяславского

княжества, вблизи *Сечи*. Население северной Гетманщины, в основном потомки *горожан и крестьян* Древнерусского государства, было превращено в казаков (отчасти насильно) в период отделения восточных частей Польско-Литовского государства и последующего присоединения этих территорий к России в особом статусе – **казацких**. Добровольное вступление в казаки нередко происходило как реакция на усиление польской шляхты, при котором крестьяне закрепощались, а также на религиозные притеснения, связанные с навязыванием католичества. Некоторые элементы польско-литовского влияния встречаются и сегодня, например, **православный храм** в г. Дмитриеве Курской области назван во имя католической святой равноапостольной **Марии Магдалины**.

Таблица 2. Исторические города российско-украинского порубежья (на территории России)

Исторические земли	Исторические города
Гетманщина на территории Древнерусского государства	Мглин, Сураж, Стародуб, Погар, Почеп
Территории, примыкавшие к Гетманщине в пределах Древнерусского государства	Севск, Трубчевск
Слободская Украина на территории Древнерусского государства	(Мирополье), Хотмыжск, Грайворон
Территории, примыкавшие к Слободской Украине в пределах Древнерусского государства	Рыльск, (Путивль)
Слободская Украина на «Диком поле»	Суджа, Короча, Новый Оскол, Острогожск, Валуйки, Бирюч

Примечание: в скобках указаны города Курской губернии, отошедшие в 1920-е гг. к Украине.

Продолжительное военное положение в Гетманщине привело к массовому оттоку населения на соседние территории Московского государства, которое уделяло в XVII в. существенное внимание укреплению южных границ от набегов крымских татар. Так, в составе Русского государства образовалась преимущественно «черкасская» Слободская Украина, население которой совместно с русскими активно участвовало в строительстве и обороне Белгородской засечной черты. При этом в исторической литературе упоминается, что наиболее быстро оформился самый отдалённый от российских границ восточный край Слободской Украины – Острогожский полк (территория части современных Белгородской и Воронежской областей).

Точка зрения Д.И. Багалея о повышенной роли украинской составляющей в Слободской Украине представляется дискуссионной. В своих работах он не всегда учитывал двойственный характер этого порубежья. В частности, в 1918 году Д.И. Багалея обосновывал позицию о присоединении частей Воронежской и Курской губерний к Украине на основании присутствия на этих территориях украинцев.

Представляется важным выявленное в ходе исследования значительное **тяготение российских территорий к соседним территориям Украины**, которое проявляется в пространственных пределах б. Слободской Украины и Гетманщины. Так, население части городов Белгородской и Курской областей чаще ощущает более сильную духовную (культурную) близость в качестве «земляков» с населением Сумской и Харьковской областей, чем с жителями Орловской области.

Отдельного рассмотрения в связи с этим заслуживают результаты ответа респондентов на вопрос о гипотетическом воссоединении своей области или её части с соседней украинской областью (табл.3). Здесь в определенной мере проявляется характер осознания населением **исторического единства** этих территорий, корректируемое современным положением рассматриваемых областей.

Таблица 3. Мнение о гипотетическом воссоединении областей России с областями Украины (в %%)

Брянская область	+7,9	Курская область	-8,8	Белгородская область	-32,5
Севск	-25,0	Льгов	-60,0	Ивня	-46,9
Навля	-14,2	Фатеж	0,0	Короча	-33,2
Трубчевск	0,0	Дмитриев	-50,0	Новый Оскол	-33,3
Почеп	+56,0	Тим	-58,2	Бирюч	-10,4
Погар	+43,3	Щигры	-31,6	Грайворон	-7,8
Суземка	+28,6	Рыльск	+54,6	Валуйки	-26,0
Стародуб	-20,0	Обоянь	+78,7	Ровеньки	-48,3
Унеча	-18,7	Суджа	-61,4		
Клинцы	+11,1				

Примечания: Респондентам задавался вопрос об их отношении к воссоединению: 1) западной части Брянской области с Черниговской областью (в Брянской области); 2) Курской и Сумской областей (в Курской области); 3) части Белгородской области с Харьковской областью (в Белгородской области).

Ответы респондентов в таблице даны в единицах-«нетто» (как разница между положительными и отрицательными ответами). Т.е. положительные значения указывают на итоговое желание населения воссоединиться, отрицательные – за отсутствие такового.

Первоначально предполагалось наличие плавных переходов между зоной порубежья и соседними территориями России («внутренней» Россией). Однако в ходе исследования были выявлены значительные исторические, этнокультурные и идентификационные контрасты у Курско-Орловской, Курско-Брянской, Брянско-Орловской и Курско-Воронежской границы. Часть этих границ хорошо соотносится с ранее выделявшимся историко-культурным и политическим «Литовским рубежом». При этом внутри порубежья обнаружены менее контрастные Курско-Белгородский и Белгородско-Воронежский культурные рубежи.

Мы полагаем таким образом, что *бывшие административные границы Гетманщины и Слободской Украины продолжают, в некоторой степени, выполнять функцию разделения «украинских» и «русских» территорий, порубежья и «внутренней» России.*

3. Ландшафтные границы в формировании политических границ и историко-культурного облика региона

Ландшафтные границы в пределах российско-украинского порубежья оказывали разное влияние в исторической ретроспективе на распределение населения, его культурно-историческое своеобразие, а также на расположение и характер политических границ. Наиболее ощутимым влияние этих границ было на ранних этапах освоения территории. Достаточно чётко в освоении рассматриваемого порубежья проявляется временная цикличность, которая находит выражение в пространственном рисунке городского расселения. Так, периоды наибольшей культурно-исторической и политико-колониционной активности были связаны с существованием Древнерусского государства (IX–XII вв.), образованием Гетманщины и Слободской Украины (XVII в.), а также усилением централизации в Российской империи (XVIII в.).

Ранее других в российско-украинском порубежье была освоена его северная часть. Лесистый характер этой части порубежья послужил её большей защищенности в период монгольского нашествия. В этот период произошло относительное возвышение Чернигово-Северской земли во главе с г. Брянском, который был прикрыт широкой полосой Брынских лесов вдоль р. Десны.

Подесенье становится своеобразным рубежом между польско-литовскими и русскими (московскими) землями. Города, расположенные на р. Десне, имели большое торговое, а значит и стратегическое значение в рассматриваемый период. Главным образом за удержание этих городов в своём составе в XVI–XVII вв. велись ожесточенные сражения между Польшей и Россией. Известен случай выкупа у Польши за большую сумму г. Трубчевска. Эти события привели к тому, что гг. Трубчевск и Брянск оказались в составе русских земель, тогда как другие города современной Брянщины – в составе Польши, а впоследствии и Гетманщины.

Исторически сложилось так, что именно *опольные ландшафты* западнее р. Десны более продолжительное время пребывали в составе Литвы и Польши, в отличие от *полесских территорий* Подесенья. Население ополлий испытало на себе тяготы католичества и мелкошляхетского подданства. Это явилось одной из причин поддержки жителями будущей Брянской области народного восстания на Украине

уже в составе Гетманщины (Стародубский полк). Как следствие – население этой части порубежья во многом восприняла культуру украинского казачества. В дальнейшем граница между опольными и полесскими ландшафтами воспроизводилась в границах между Гетманской Украиной и Россией, Черниговской и Орловской губерниями.

Естественный (сочетаемый с природными рубежами) характер имели и другие политико-административные границы. Так, весьма своеобразной была пространственная конфигурация Слободской Украины, занимавшей, в отличие от преимущественно равнинной Гетманщины, южные отроги Среднерусской возвышенности, холмы которой достаточно отчетливо «читаются» на местности и приблизительно соответствуют Белгородской засечной черте.

К моменту формирования территории Слободской Украины в пределах открытых участков Среднерусской возвышенности Московское государство имело лишь незначительное количество передовых форпостов таких, как Курск, Рыльск, Путивль, Белгород, Валуйки, Воронеж. Освоение оставшихся обширных слабозаселённых территорий верхнего Посемья последовало только после укрепления южных границ государства – т.е. границ Слободской Украины.

Восточным рубежом Слободской Украины стал возвышенный берег р. Дон, а южным рубежом, за которым господствовало донское казачество – Донецкий кряж и долина р. Северский Донец.

Ландшафтообусловленной была также граница Курской губернии (Белгородской провинции) с соседними губерниями. Эта граница достаточно чётко прослеживается в пределах Среднерусской возвышенности, в основном к юго-западу от водоразделов крупных, исторически значимых рек – Днепра, Оки, Дона, Северского Донца, а также Десны и Сейма. В литературе упоминается историко-культурное своеобразие Острогожского (Рыбинского) полка Слободской Украины, территория которого в XVIII веке вошла в состав Воронежской губернии. Западная граница Острогожского полка и Воронежской губернии пролегла по водоразделу Северского Донца и Дона, называвшимся во времена набега кочевников Кальмиусской сакмой (шляхом) (рис.2).

4. Украинский этнокультурный градиент как культурно-историческая реальность

На основе полевых наблюдений 2008–2009 гг. нами экспертно была составлена картосхема украинского этнокультурного градиента на территории российско-украинского порубежья (рис.3). На этой картосхеме выделено 3 зоны по

степени присутствия украинской культуры в компонентах историко-культурного ландшафта, согласно таблице 1. При этом выделение зон не означает обязательного доминирования в них украинской этнической культуры. Здесь лучше говорить о существенном присутствии этой культуры у населения, которое почти на порядок превосходит долю лиц украинской национальности по переписям населения.

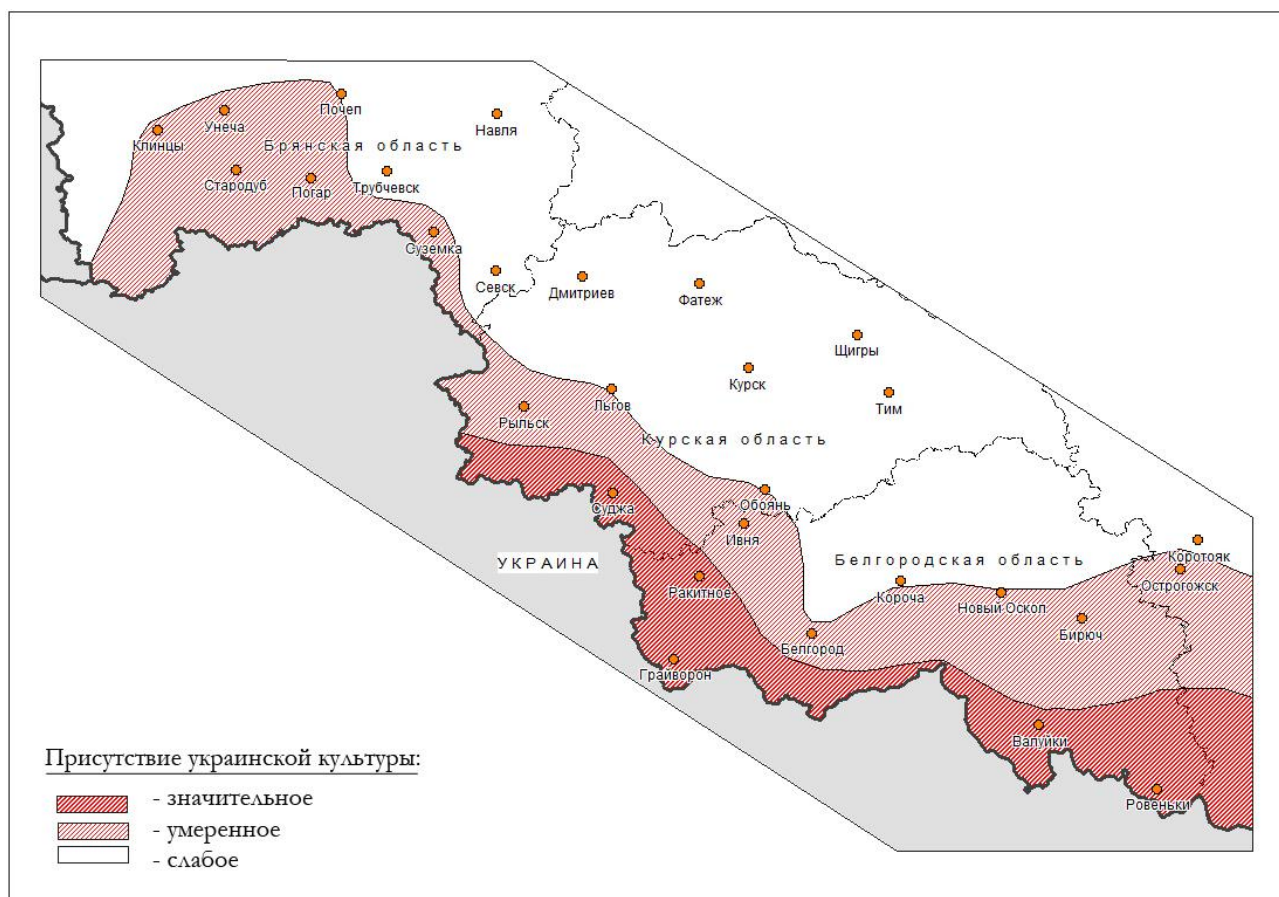

Рисунок 3. Украинский этнокультурный градиент российско-украинского порубежья (в пределах обследованной территории)

В таблице 4 представлены результаты анкетирования экспертов, обобщённые в рамках выделенных зон украинского этнокультурного градиента.

Выделенные нами зоны украинского этнокультурного градиента в основном совпадают с «полосами» В.П. Семёнова-Тян-Шанского, различавшихся долей украинцев в этническом составе населения Среднерусской черноземной области (по уездам Курской и Воронежской губерний) – как с точки зрения относительного присутствия украинской культуры, так и с позиции пространственного расположения.

Украинский этнокультурный градиент отражает характер естественно-исторического процесса развития и размежевания территории, воспроизводимого историческим сознанием, а также современные черты этнокультурной самоидентификации – процесса, который зависит от

многочисленных, в том числе местных, факторов и имеет сложно формализуемый характер. Это может, в частности, проявляться в феномене двойной («конгломерированной») или смешанной этнокультурной самоидентификации (ср.: «Я хохол, но русская в душе», «русская хохлушка»).

Таблица 4. Зоны этнокультурного градиента российско-украинского порубежья
(%% от числа опрошенных)

Вопрос	Вариант ответа	Зона I (%)	Зона II (%)	Зона III (%)
Вы местный?	<i>местный</i>	63.3	62.6	78.0
	<i>местный по убеждению</i>	22.0	25.9	14.0
	<i>не местный, хотя живу здесь давно</i>	14.4	10.1	6.0
Хотели бы Вы жить в другом населенном пункте?	<i>да</i>	27.3	31.0	14.9
	<i>нет</i>	46.8	51.2	66.7
	<i>может быть</i>	25.9	17.7	18.4
Считаете ли Вы себя жителем глубинки?	<i>да</i>	35.0	60.1	73.7
	<i>нет</i>	49.3	32.9	19.3
	<i>не ответили</i>	15.7	7.0	7.0
По национальности Вы?	<i>русский</i>	79.2	86.7	92.1
	<i>украинец, полностью или частично (ч/п)</i>	16.9	8.9	6.1
Знаете ли Вы место рождения или захоронения Ваших предков?	<i>среди русских на Украине</i>	10.4	7.0	7.0
	<i>среди украинцев ч/п на Украине</i>	9.0	3.2	3.5
Жители каких городов являются Вашими земляками?	<i>украинские города</i>	18.2	15.8	10.5
	<i>города б. Слободской Украины в РФ</i>	32.5	20.2	9.6
Как бы Вы отнеслись к объединению областей России с соседними областями Украины?	<i>положительно</i>	26.0	31.6	18.9
	<i>отрицательно</i>	61.0	48.7	51.6
	<i>безразлично</i>	7.8	11.4	14.7
	<i>не ответили</i>	5.2	7.6	8.4
Как относятся к вам жители Украины?	<i>положительно</i>	77.2	60.8	57.9
	<i>отрицательно</i>	4,6	3.8	8.8
	<i>по-разному</i>	6,5	11.4	7.0
	<i>не знаю</i>	11.7	23.4	26.3
Сожалеете ли, что в недавнем прошлом возникла граница между Россией и Украиной?	<i>да</i>	88.3	80.4	80.7
	<i>нет</i>	7.8	15.8	16.7
	<i>не ответили</i>	3.9	3.8	2.6

Примечания: Зоны I, II, III соответствуют выделенным на картосхеме зонам (рис.3), отражающих степень присутствия украинской культуры.

Общее количество анкет использованных для таблицы составило 349 (без анкет г. Курска), в том числе 77 - для Зоны I, 158 - для Зоны II и 114 - для Зоны III.

В **Зону I** были отнесены населённые пункты: Суджа, Ракитное, Грайворон, Валуйки, Ровеньки. В **Зону II** – Почеп, Погар, Суземка, Стародуб, Унеча, Клинцы, Рыльск, Обоянь, Ивня, Короча, Новый Оскол, Бирюч, Острогожск. В **Зону III** – Севск, Навля, Трубчевск, Льгов, Фатеж, Дмитриев, Тим, Щигры, Коротояк.

В рамках проводимых исследований на основе субъективных оценок экспертов была сделана попытка оценить присутствие украинцев и белорусов в пределах Брянской области. Для этого во время анкетирования и интервьюирования экспертам предлагалось приблизительно указать «количество знакомых, не

обязательно друзей, из числа украинцев и белорусов». Подобная оценка не может быть точной, но, тем не менее, она отражает общую тенденцию, в особенности принимая во внимание тот факт, что респонденты в лицо знают от 60 до 90% жителей в своих населённых пунктах. Суммарный подсчёт для отдельных населённых пунктов показал, что соотношение украинцев и белорусов «из числа знакомых» среди респондентов в Клинцах, Стародубе, Унече, Почепе и Навле в среднем составляет 1:1, в Трубчевске и Погаре – 3:1, в то же время в Суземке и Севске – 5:1. Согласно полученным данным, *украинский компонент, по оценке опрошенных, усиливается с северо-запада на юго-восток Брянской области в 5 раз, по сравнению с белорусским компонентом.*

5. Особенности региональной самоидентификации населения

Анализ результатов полевых исследований выявил существенные различия в региональной самоидентификации населения российско-украинского порубежья. Эти различия прослеживаются на различных уровнях региональной идентичности – ***макрорегиональном, мезорегиональном и субрегиональном.***

Важным в региональной самоидентификации населения является сохранение ***исторической памяти*** о принадлежности к определенным историческим землям. Так, у населения Брянской области жива память о принадлежности в прошлом к Черниговскому и даже нередко Северскому краю, у населения Белгородской области – к Воронежскому и Курскому.

«Землячество» как особый тип восприятия и идентификации «своих» весьма характерен для населения рассматриваемой зоны порубежья. Анализ полученных данных по выявлению городов, где живут ***земляки***, выявил значительные территориальные различия в характере тяготения к соседним регионам, а также характере внутриобластного отталкивания («ментального сепаратизма»). Так, жителей украинских городов, таких, как Новгород-Северский, Сумы, Глухов, Харьков, Волчанск, в рассматриваемой зоне порубежья часто *относят* к своим землякам: в Брянской области 10% опрошенных, в Курской области – 25%, в Белгородской – 30%. При этом население части городов российско-украинского порубежья в пределах своих административных регионов достаточно часто исключает из земляков жителей населённых пунктов: 1) в Брянской области – Дятьково, Карачев; Климово, Сураж, Мглин; 2) в Курской области – п. Кшенский; Рыльск, Суджа; 3) в Белгородской области – Грайворон; Старый Оскол и Новый Оскол.

Предложена методика картирования субрегионального и мезорегионального уровней региональной самоидентификации на основе расчёта относительных показателей – соответственно (1) и (2):

$$Q(N_i)_{n_i, N_i} = \frac{f_{n_i, N_i}}{S_{N_i}} \times 100\% , \text{ где} \quad (1)$$

Q – относительный показатель частоты включения населённого пункта в состав малой Родины респондентов; f – абсолютное количество положительных ответов на включение населённого пункта в состав малой Родины респондентов; S – абсолютное количество анкет, собранных в населённом пункте, где проводилось интервью; N_i – индекс города (i), в котором проводилось интервью; n_i – индекс города (i), в котором не проводилось интервью; n_i, N_i – индекс города (i), в отношении которого ведётся расчет относительного показателя Q .

$$R_{n_i, N_a} = \frac{\sum Q_{n_i} + (\sum Q_{N_i} - Q_{N_a})}{d} ; \quad d = \sum i_n + (\sum i_N - 1) , \text{ где} \quad (2)$$

R – относительный показатель принадлежности к краю, с которым идентифицирует себя большая часть населения; N_a – город, в котором проводился опрос и для которого рассчитывается относительный показатель R ; d – общее количество городов (i), из числа тех, где не проводился (n) и где проводился (N) опрос, в которых давали положительный ответ на включение населённого пункта (n_i, N_i) в состав малой Родины.

Субрегиональный уровень региональной самоидентификации отражает *ментальный пространственный образ своей местности* – малой Родины, т.е. образ границ территории, с которой идентифицирует себя жители определённого населённого пункта. Например, жители г. Трубчевска выделяют «Трубчевский край». Как правило, собственное имя края, часто связанное с названием города, отсутствует у поселений с наименьшей историко-культурной значимостью. Однако в таких поселениях – типа Навли Брянской области – также существует представление о своей малой Родине, независимо от того, принято ли ей давать собственное имя. Этот уровень региональной самоидентификации сочетается с местным патриотизмом – «внутренней» составляющей региональной идентичности.

Мезорегиональный уровень показывает характер границ ментального **мезорегиона**, с которым в большей или меньшей степени идентифицирует себя население рассматриваемых областей. Существенным в пределах рассматриваемой территории порубежья является то, что население позиционирует себя как **брянских, курских или курян, белгородских, воронежских**.

На основе результатов расчёта были построены картосхемы, отражающие особенности мезорегиональной самоидентификации населения. На рисунке 4

показаны ментальные пространственные образы (границы) своего края (региона), их ядра и периферии.

Брянская область в сознании её населения, исходя из характера границ ментальных образов края, больше интегрирована с территорией Украины (Шостка, Семёновка, Новгород-Северский), чем с территорией Белоруссии, несмотря на открытость российско-белорусской границы, по сравнению с российско-украинской. При этом Могилёво-Брянская граница, существующая практически без изменений с начала XIV века (Московско-Литовская граница, граница Гетманщины), стала устойчивым культурным рубежом.

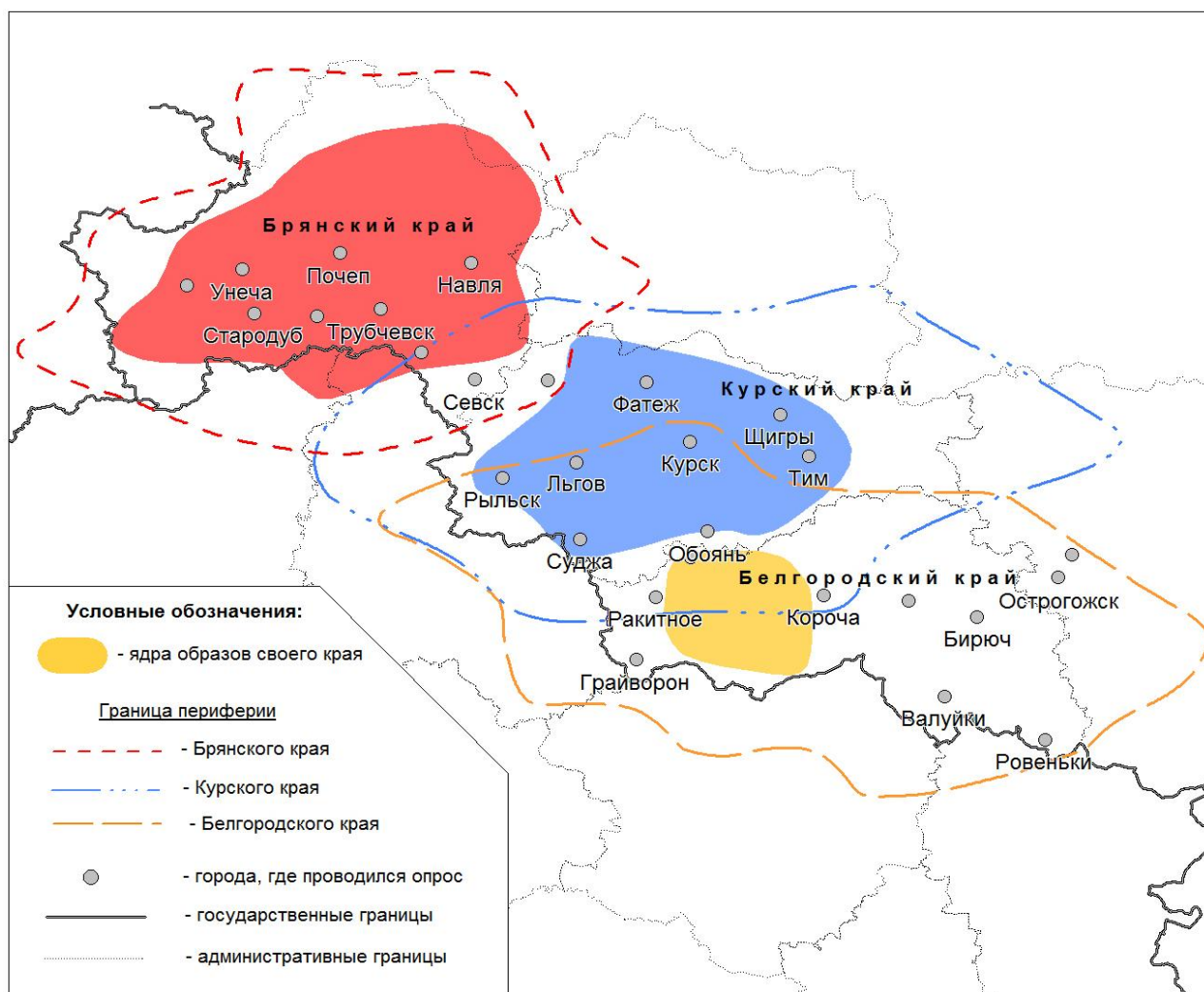

Рисунок 4. Границы ментальных образов своего края: ядра и периферии

Границы ментального «Белгородского края» включают в свой состав обширную территорию Сумской области (гг. Путивль, Сумы, п. Ворожба, п. Краснополье, п. Ахтырка) и Харьковской области (гг. Харьков, Купянск, Волчанск) Украины, а также существенную часть Воронежской области (гг. Россошь, Павловск, Острогожск, п. Коротояк, п. Истобное).

Почти вся южная часть Курской области вошла в состав «Белгородского края». Это в сочетании с фактом осмысления населением исторической судьбы Белгородской области как территории, которая была «курской», позволяет говорить о ментальной близости жителей Белгородской *области* с жителями «Курского *края*».

Наиболее устойчивым с точки зрения характера «Белгородского края» оказался участок границы между Белгородской и Луганской областями. Территория современной Луганской области располагалась к югу от Слободской Украины в бассейне среднего и нижнего течения реки Северский Донец, в пределах области Донского казачества, исторически соперничавшего с казачеством Слободской Украины.

Была построена серия картосхем, отражающих субрегиональный уровень самоидентификации, для 22 изученных поселений российско-украинского порубежья. Анализ этих картосхем показал, что субрегиональный уровень самоидентификации в значительной степени зависит от культурно-бытовых и социально-экономических связей населения, отражая одновременно с этим, исторически сформировавшуюся этносоциальную дифференциацию внутри регионов, их историко-культурный ландшафт.

На макроуровне основными единицами самоидентификации населения являются такие **макрорегионы**, как «*Центральная Россия*», «*Средняя полоса России*» и «*Черноземье*». Названия этих неформальных регионов несёт различную смысловую нагрузку, включающую наравне с региональной составляющей позиционную, природную и культурную компоненты.

Респонденты Курской, Белгородской и Воронежской областей чаще всего идентифицировали себя с Черноземьем (85-90%), в то время как в Брянской области – с Центральной Россией (54%) и Средней полосой России (30%). Примечательно, что переход от самоидентификации со Средней полосой России (60% для г. Севск) к самоидентификации с Черноземьем (90% для г. Дмитриева) происходит скачкообразно, совпадая с Курско-Брянской границей.

Парадоксально, что в поселениях непосредственно на приграничье нами была зафиксирована самоидентификация с Центральной Россией – от 30 до 60% опрошенных в гг. Суджа, Грайворон и п. Суземка. Можно предположить, что в этом случае культурно-исторические факторы играют второстепенную роль. На первый план выходит позиционно-географический фактор, связанный с государственной границей, её функциональными и психологическими аспектами.

6. Местные центры регионализации: внутренняя составляющая региональной идентичности

При обобщении результатов полевых исследований нами были обнаружены различия в региональной самоидентификации населения, связанные со спецификой местных центров. В зависимости от разнообразных условий взаимодействия индивидов в населённых пунктах, неодинаковым оказывается понимание и восприятие своей малой Родины и её пространственных пределов. Представляется возможным говорить о региональной идентичности большей или меньшей силы, проявляющейся в *величине пространства малой Родины и внутренней психологической мотивации населения*, побуждающей его интересоваться своей территорией и любить её.

Сила региональной идентичности различается в населённых пунктах в зависимости от сочетания ряда параметров: 1) исторической значимости места, часто запечатлённой в историко-культурном и природном ландшафте, сохранность которого имеет важное значение; 2) величины или людности, определённым образом связанных с характеристиками единства и сплочённости местного сообщества; 3) географического положения, в особенности центральности и периферийности, играющих неоднозначную роль; 4) развитости инфраструктуры, например, наличия автомагистралей.

Нами **предложена типология регионального самосознания**, объединяющая типы поселений и особенности коллективной психологии. Согласно этой типологии, можно выделить три типа регионального самосознания: *экстравертный, интравертный и интравертно-экстравертный*.

Экстравертный тип приурочен к крупным городам – часто областным центрам – или к новым индустриальным городам (Брянск, Клинцы, Курск, Белгород) и характеризуется ослабленной силой региональной идентичности. Население интересуется макрорегиональными проблемами в большей степени, чем проблемами своего региона. Это обнаруживается в частности при помощи анализа местной прессы. Ослабление силы региональной идентичности при этом сопровождается появлением «регионального космополитизма», который можно выразить такой фразой – *«наш город в регионе знают все, мы же не знаем (не хотим знать) в регионе никого»*.

Интравертный тип приурочен к малым населённым пунктам, часто к сельским поселениям (Погар, Навля, Суземка, Тим, Ивня, Суджа). Население с подобным типом регионального самосознания интересуется в большей степени

местными проблемами, чем проблемами своего региона. Ослабление силы регионального самосознания сопровождается эффектом «местечковости», который может быть охарактеризован следующей фразой – «в нашем поселении мы знаем всех, но наше поселение не знает (не хочет знать) никто, да и мы особенно никого знать не хотим».

Интравертно-экстравертный тип приурочен к историческим средним и малым городам (Трубчевск, Стародуб, Севск, Почеп, Рыльск, Бирюч, Короча, Острогожск). Сила региональной идентичности повышена, что хорошо сочетается с наличием уникальных памятников историко-культурного и/или природного наследия, развитой исторической памятью у населения, относительно большим количеством любящих свой город, свою местность «за древность», «за приметы старины» и «красоту окружающей природы», а не только любящих свой город «за то, что здесь родился и/или вырос».

Мы полагаем, что подобная дифференциация регионального самосознания может найти выражение в структуре значимости для населения основных форм территориальных идентичностей – национальной, региональной и локальной. Так, по нашему мнению, уровень национальной идентичности может быть значительно выше при экстравертном типе регионального самосознания. В то же время относительно пониженный уровень национальной идентичности и повышенный уровень локальной идентичности может соответствовать интравертному типу регионального самосознания.

ВЫВОДЫ И ЗАЩИЩАЕМЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Ландшафтные и исторически изменчивые политические границы, впоследствии становящиеся культурными рубежами, в своей пространственно-временной совокупности образуют сеть, ячейки которой служат основой для формирования региональной идентичности.
2. Региональная идентичность является фактором, который консолидирует российско-украинское порубежье, уточняет этнокультурную самоидентификацию населения, а также выявляет характер культурного тяготения к соседним территориям России, Украины и Белоруссии.
3. Российско-украинское порубежье характеризуется своеобразной пространственной морфологией, связанной с культурно-историческими факторами. При этом важнейшим структурным элементом порубежья является российско-украинский

этнокультурный градиент, отражающий неоднозначные исторические процессы интеграции Гетманщины и Слободской Украины в Российское государство.

4. В процессах региональной самоидентификации на территории российско-украинско-белорусского порубежья вполне отчетливо просматривается влияние исторических мезорегиональных границ б. Черниговской, Орловской, Курской и Воронежской губерний, а в определенной степени и сопряженных с ними ландшафтных и макрорегиональных историко-культурных (*Слободской Украины и Гетманщины*) границ.
5. Сочетание политических и ландшафтных границ определяет их временную и культурную устойчивость.
6. На первоначальных стадиях освоения территории российско-украинского порубежья ландшафтные границы выступали в качестве системообразующих факторов оформления регионов – Гетманщины и Слободской Украины, Курской губернии, Острогожского полка и других – с дальнейшим развитием самосознания населения на их основе. При этом Слободская Украина как социально-политическое и административно-территориальное образование оказалась недолговечной. Однако самосознание, связанное со Слободской Украиной, подспудно прослеживается и в настоящее время, подкрепляясь осознанием взаимной культурной близости в пределах порубежья России и Украины.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. *Бородина Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Баринов С.Л.* Приграничные территории России и Украины: общая история и разделенное настоящее (географические подходы) // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). – М.: Эслан, 2008, С. 266–287.
2. **Гриценко А.А.** Культурно-географическая дифференциация и региональная идентичность в городах Брянской области // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт». – М.: Географический факультет МГУ, 2009. – С. 69–72.
3. **Гриценко А.А.** Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). – М.: Эслан, 2009, С. 355–364.
4. *Баринов С., Гриценко А., Самсонова А.* Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского приграничья // Региональные исследования, 2009, №3, С. 22–28. Издание, рекомендованное ВАК РФ.

5. **Гриценко А.А.** Региональная идентичность в зоне российско-украинско-белорусского приграничья // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1 - 5 июля 2009 г. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009, С. 468–469.
6. **Гриценко А.А.** Этноландшафтные особенности формирования современного российско-украинского порубежья // Проблемы региональной экологии, 2010, №1, С. 148–157. Издание, рекомендованное ВАК РФ.
7. **Гриценко А.А.** Вивчення російської частини Слобідської України та Гетьманщини польовими методами // Україністика в Росії: історія, стан, тенденції розвитку: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Київ-Москва-Уфа: Видавничий центр Уфимської філії МДГУ ім. М.О. Шолохова, 2010, С. 73.
8. **Гриценко А.А.** Историко-географические предпосылки развития исторического сознания в российско-украинском порубежье // Социально-экономическая география в условиях постиндустриального и постсоветского развития: Сборник научных трудов к 10-летию кафедры экономической географии и социальной экологии МГПУ / отв. ред. и сост.: О.В. Шульгина. – М.: МГПУ, 2010, С. 110–116.
9. **Гриценко А.А.** Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН. Серия географическая, №1, 2011 (в печати). Издание, рекомендованное ВАК РФ.
10. **Гриценко А.А., Крылов М.П.** Историческая память и этническая идентичность в российско-украинском пограничье: рубежи и градиент // Российско-украинское пограничье: сотрудничество в обход барьеров / отв. ред. и сост.: В.А. Колосов. – М.: Новый хронограф, 2010 (в печати).

Интернет-публикация на сайте Университета Бирменгема (www.gees.bham.ac.uk):

Gritsenko A., The Variety of Cultural Landscape // Cultural Landscape as Heritage Feature: Russian Experience in Studies and Preservation, 2007.

Гриценко А. Разнообразие культурных ландшафтов: архитектурные предпочтения жителей ряда районов Европейской России как элемент культурно-ландшафтного районирования // Cultural Landscape as Heritage Feature: Russian Experience in Studies and Preservation, 2007.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

1.1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

1.2. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

1.3. ЛАНДШАФТНЫЕ РУБЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ПОРУБЕЖЬЯ

ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНЫ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

2.1. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

2.2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ЧАСТИ БЫВШЕЙ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (КУРСКАЯ, БЕЛГОРОДСКАЯ И ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТИ)

3.1. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУРСКОЙ, БЕЛГОРОДСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

3.2. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

ГЛАВА 4. РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ГРАДИЕНТ КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ПОРУБЕЖНОЙ ЗОНЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

ПРИЛОЖЕНИЯ